

Константин КЕДРОВ, «Известия»

Вряд ли нужно представлять читателям автора «Отверженных» и «Собора Парижской Богоматери».

Менее известны в России политические речи писателя в защиту свободы слова и за отмену смертной казни. Будучи депутатом учредительного собрания, он защищал свободу от наступающей диктатуры.

Подобно Сахарову, он стоял на трибуне под свист и улюлюканье сторонников тирании, бросал им в лицо такие слова: «Итак, подавление всякой мысли и всякого печатного слова, преследование газет и травля книг, подозрительное отношение к театру, к литературе, к талантливым людям, вышибание пера из рук писателя, убийство книгоиздательского дела — вот, что представляет собой ваш законопроект». Это речь в законодательном собрании Франции, произнесенная 9 июля 1850 года, а кажется, что у нас в России.

Защита свободы завершилась изгнанием Гюго из Франции. Много лет вдали от родины, потом возвращение и снова до конца дней Виктор Гюго на страже свободы. Вот финал одной из его последних речей: «Тридцать четыре года тому назад я впервые говорил с трибуны Франции, с этой трибуны. По воле Бога мои первые слова были посвящены защите прогресса и истины, по его же воле эти мои слова — может быть последние — посвящены защите милосердия и справедливости».

Он намного обогнал свое время, когда в середине XIX века провозгласил неизбежность союза всех народов и государств, объединенных идеалами Декларации прав человека:

«Настанет день, когда пушки будут выставлять в музеях, как сейчас выставляют там орудия пытки, и люди будут изумляться, что такое варварство было возможно. (Смех и возгласы: «Браво!»).

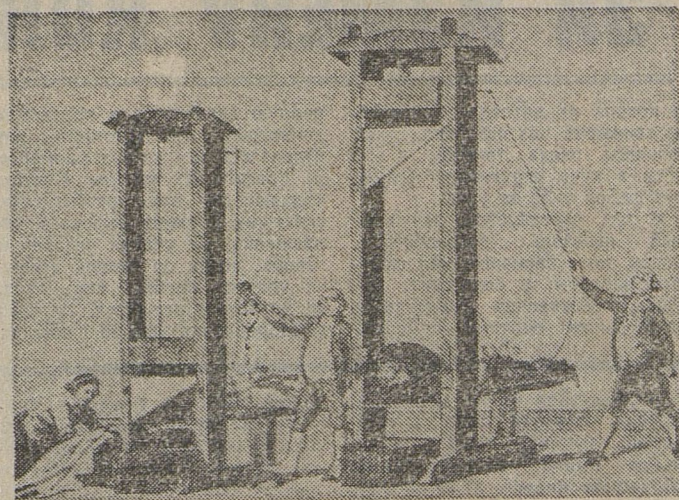
Настанет день, когда мы воочию увидим два гигантских союза государств — Соединенные Штаты Америки и Соединенные Штаты Европы (аплодисменты), которые, став лицом друг к другу и скрепив свою дружбу рукопожатием через океан, будут обмениваться своими произведениями, изделиями своей промышленности, творениями искусства, гениальными дарованиями...

Что же все мы — французы, англичане, бельгийцы, немцы, русские, славяне, европейцы, американцы, — что же мы должны сделать, дабы этот великий день настал как можно скорее? Любить друг друга! (Взрыв аплодисментов).

Приведу еще одну мысль Гюго из той же речи на конгрессе мира в Париже (1849).

«Законы, устанавливаемые людьми, не отличаются и не могут отличаться от божественного закона. Но божественный закон предписывает не войну, а мир. (Аплодисменты). Люди начали с борьбы, как мироздание началось с хаоса. (Возгласы: «Браво! Браво!»). Что было их отправной точкой? Война: это очевидно, но куда они идут? К миру: это столь же очевидно».

Известия. — 1992. — 25 февр. — с. 4 ВЫСШАЯ МЕРА ВИКТОРА ГЮГО

Вспомним ответ Маркса на вопрос, в чем видит он смысл жизни. Ответ — борьба. Однако мы видим, что существовала и существует прямо противоположная точка зрения. Куда завела борьба нашу страну и все человечество, нам известно; а вот идти путем мира мы еще и не пробовали, хотя первые детские шаги нашей демократии делаются все же в том направлении. Прислушаемся к голосу Виктора Гюго. Будем искать мира, а не бесконечной борьбы.

Речь Виктора Гюго против смертной казни произнесена 15 сентября 1848 года. Мысленно заменим слово «Франция» словом «Россия», а слово «февраль» словом «август», и пусть слова писателя хотя бы немного смягчат наши сердца, задубевшие от политики.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ

15 сентября 1848 года

Я сожалею, что этот вопрос, быть может, самый важный из

всех, ставится на обсуждение почти внезапно и застает ораторов неподготовленными.

Что касается меня, я буду немногословен, но слова мои будут исходить из чувства глубокой, издавна сложившейся убежденности.

Господа, конституция, и в особенности конституция, созданная Францией и для Франции, обязательно должна быть новым шагом по пути цивилизации. Если она не является шагом по пути цивилизации —

Введение к вашей конституции вы начинаете словами: «Перед лицом Бога» и тут же хотите отнять у этого Бога то право, которое принадлежит ему одному, — право даровать жизнь и смерть. (Возгласы: «Превосходно! Превосходно!»).

Господа, есть три вещи, подвластные Богу, а не человеку: безвозвратное, непоправимое, нерасторжимое. Горю человеку, если он вводит их в свои законы! (Движение в зале). Рано или поздно общество согнется под их тяжестью: они нарушают необходимое равновесие между нравами и законами; они делают человеческое правосудие несоизмеримым; и вот что происходит в результате — подумайте об этом, господа, — совесть в ужасе отступает перед законом. (Сильное волнение в зале).

Я поднялся на эту трибуну, чтобы сказать вам только одно слово, но, с моей точки зрения, слово решающее. Вот оно, это слово. (Возгласы: «Слушайте! Слушайте!»).

После февраля в народе созрела великая мысль: на следующий день после того, как народ смел трон, он захотел сжечь эшафот. (Голоса: «Очень хорошо!» Другие голоса: «Очень плохо!»).

Те, кто тогда влиял на его разум, не подумали, я глубоко об этом сожалею, до уровня его благородной души. Ему помешали осуществить эту величественную идею.

Так вот! В первой статье конституции, за которую вы голосуете, вы только что освятили первую мечту народа — вы опрокинули трон. Освятите же и другую его мечту — опрокиньте эшафот. (Аплодисменты слева. Протесты справа).

Я подаю свой голос за полную, безоговорочную и окончательную отмену смертной казни.

Трудно поверить, что эта речь произнесена 144 года тому назад. Так медленно, такими зигзагами петляет история, что и сегодня, когда Гюго исполнилось бы 190 лет, его слова все еще намного опережают время. Не тешу себя мыслью, что уже сегодня, прислушавшись к Виктору Гюго, мы поставим общечеловеческое выше национального, а божеское выше человеческого. Знаю, что большинство людей все еще тешит себя иллюзиями национального превосходства и самозолотии под видом суверенитета. Собственными глазами видел виселицу в Сирии, где по утрам вешают убийц: но ни минуты не сомневаюсь, что пророчество Виктора Гюго об отмене смертной казни рано или поздно исполнится в России, как исполнилось оно ныне во многих странах Европы.

252